

ИЗВѢСТІЯ

по

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемая при журн. „Отдых Христианина“.

Цѣна „Отдыха Христ.“ 4 руб. Цѣна „Извѣстій“—1 руб.
Отдѣльно на „Извѣстія“ подписка не принимается.

№ 6.

15-го Марта.

1913 г.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Распоряж. Епарх. Начальства.

Опредѣлены: 8 Марта—псаломщикъ церкви при Николаевскомъ домѣ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ Андрей **Телемаковъ**—на вакансію діакона къ СПб. Волковской Срѣтенской единовѣрческой церкви; 14 Марта—окончившій курсъ семинаріи Григорій **Казанскій**—священникомъ къ Озерской церкви, Гдовскаго у.

Перемѣщены: 5 Марта—священникъ Мелковичскаго погоста, Лужскаго у., Викторъ **Дамаскинскій**—къ Братской церкви въ дер. Александровкѣ, Царскосельскаго у.; 9 Марта—псаломщикъ Царскосельской тюремной церкви Анатолій **Ермолаевъ**—къ церкви Орлово-Новосильцевскаго благотворительнаго заведенія въ СПб.

Утверждены въ должности старостъ: 27 Февраля—Спб. купецъ Николай **Тороповъ**—церкви СПб. военно-фельдшерской школы; 14 Марта—М. **Чернышевъ**—Нарвско-Знаменской церкви; кр. В. **Васильевъ**—Яблоницкой церкви, Ямбургскаго у.; кр. В. **Лебедевъ**—Шижнемской церкви, Новоладожскаго у.; кр. М. **Леонтьевъ**—

Веленской ц., Лужскаго у.; кр. А. **Устиновъ**—Ремедской ц., Гдовскаго у.; мѣщ. К. **Юстманъ-Шитцъ**—Нарвской Ивангородской Успенской ц.; кр. С. **Феодоровъ**—Горской Знаменской ц., Лужскаго у.; кр. М. **Харламовъ**—Польской ц., Гдовскаго у.; кр. Д. **Морозовъ**—Моложанской ц., Лужскаго у.; кр. Г. **Михайловъ**—Никольско-Сясьской церкви, Новоладожскаго у.; кр. І. **Косминъ**—Крицкой церкви, Лужскаго у.; кр. М. **Марковъ**—Керстовской ц., Ямбургскаго у.; кр. И. **Игнатьевъ**—Городенской ц., Лужскаго у.; личн. поч. гр. В. **Еврейновъ**—СПб. Знаменской церкви.

Отъ Совѣта СПб. Исидоровскаго епархіальнаго женскаго училища.

Совѣтъ СПб. Исидоровскаго епархіальнаго женскаго училища симъ извѣщаетъ, что 29, 30 и 31 мая с. г. имѣютъ быть произведены приѣмныя испытанія въ СПб. Исидоровскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Прошенія о допущеніи къ испытаніямъ для поступленія въ Исидоровское училище подаются на имя Его Высокопреосвященства не позже 15 мая. Къ прошенію должны быть приложены слѣдующіе документы: а) метрическое свидѣтельство (или метрическая выпись) о рожденіи и крещеніи дѣвѣицы, б) свидѣтельство врача о привитіи оспы дѣвѣицы и о здоровомъ ея состояніи, в) обязательство родителей или ближайшихъ родныхъ принять дѣвѣицу на свое попеченіе въ случаѣ выбитія ея изъ училища и г) обязательство ихъ же безнедоимочно вносить въ установленные сроки плату за обученіе и содержаніе въ училищѣ. На полное содержаніе изъ средствъ училища принимаются только сироты и дочери заштатныхъ священно-церковно-служителей СПБ. епархіи. Своекостныя пансіонерки поступаютъ въ училище съ обязательнымъ взносомъ за содержаніе въ слѣдующемъ размѣрѣ: I), столичнаго и пригороднаго духовенства—дочери протоіереевъ и священниковъ со взносомъ 120 р., діаконовъ (штатныхъ) 90 р., псаломщиковъ 60 р.; уѣздно-городскаго и сельскаго духовенства—дочери протоіереевъ и священниковъ со взносомъ 100 р., діаконовъ (штатныхъ) 60 р., псаломщиковъ 35 р. ежегодно сверхъ единовременнаго обязательнаго взноса при поступленіи въ количествѣ 30 р. на первоначальное обзаведеніе. Инословныя, иноепархіальныя и дочери военнаго духовенства платятъ за обученіе въ I и II кл.—100 р., въ III и IV кл.—120 р., въ V и VI кл.—140 р., въ двухъ VII-хъ кл. 160 р.; за содержаніе въ пансіонѣ 400 р. ежегодно; на первоначальное обзаведеніе 30 р. единовременно. Плата вносится въ два срока: въ началѣ учебнаго года и въ началѣ второго учебнаго полугодія—при возвращеніи воспитанницъ въ училище изъ отпуска на каникулы. Вновь принятія воспитанницы уплачиваютъ положенную плату за I-е полугодіе и 30 р. на первоначальное обзаведеніе при самомъ поступленіи ихъ въ училищное общежитіе. Въ случаѣ, если плата за извѣстную воспитан-

ницу своевременно не будетъ представлена, послѣдняя удаляется изъ училищнаго общежитія распоряженіемъ Совѣта, за счетъ неисправныхъ плательщиковъ—родителей или замѣняющихъ ихъ лицъ.

Для поступленія въ I-й классъ установленъ предѣльный возрастъ: не менѣе 10 л. и не болѣе 12 л. 6 мѣс. отъ рожденія къ началу учебнаго года, къ 1-му сентября. Приѣмъ въ училище выдержавшихъ испытанія до каникулъ совершится по окончаніи приѣмныхъ испытаній послѣ каникулъ по сравнительному достоинству полученныхъ экзаменовавшимися на тѣхъ и другихъ испытаніяхъ балловъ, безъ предоставленія державшимъ испытанія до каникулъ какихъ-либо преимуществъ. Изъ невыдержавшихъ приѣмныя испытанія предъ лѣтними каникулами къ вторичнымъ испытаніямъ въ августѣ мѣсяцѣ будутъ допущены только тѣ, которые получили на первомъ испытаніи неудовлетворительные баллы по одному или двумъ предметамъ. Допущенныя къ вторичнымъ испытаніямъ послѣ каникулъ и выдержавшія таковыя, будутъ приняты въ училище въ томъ случаѣ, если останутся свободныя вакансіи послѣ приѣма успѣшно выдержавшихъ испытанія предъ лѣтними каникулами и послѣ оныхъ.

Подробныя указанія относительно круга свѣдѣній, требующихся отъ поступающихъ въ Исидоровское училище, содержатся въ программѣ одноклассной церковно-приходской школы, въ объемѣ которой будутъ производиться приѣмныя испытанія. Въ частности по ариѳметикѣ особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на 1 и 2-й годъ программы. Въ качествѣ пособій къ этому предмету можетъ служить „Методика начальной ариѳметики“ Арженикова цѣна 1 р. 25 к.; его же „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и частныхъ примѣровъ“, ч. 2-я. Первая сотня. Первая тысяча. Цѣна 15 к.

Предсѣдатель Совѣта,

Протоіерей Андрей Бурговъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Закатъ Солнца правды—Христа.

(Голгоескія картины и религиозные мотивы современныхъ переживаній христіанина).

Кому не знакомы картина и впечатлѣніе заката солнца? Вотъ, солнце спокойно плыветъ по лазурной выси небесъ, разливая повсюду свой чудный свѣтъ и теплоту,—освѣщая: и горы, и долины, и глубины ущельевъ, и бездны дикихъ горныхъ разсѣлинъ, всякій уголокъ, все оживляя: и лѣса, и луга, и цвѣты, и всякую былинку. Изрѣдка набѣгаютъ на него облачка и тучи, но оно быстро расплавляетъ ихъ своею теплотою, пронизываетъ своими яркими, могучими лучами, и онѣ исчезаютъ. И снова солнце плыветъ по прозрачной небесной лазури въ своемъ прежнемъ величіи и красотѣ. Всѣмъ и всему свѣтло, тепло и радостно. Все отъ него дышетъ полною, могучею, радостною жизнію. И кажется, что такъ должно быть и будетъ всегда. Не хочется думать и вѣрить, что это не навсегда, что солнце исчезнетъ, скроется съ глазъ, и его, столь отрадный, живительный свѣтъ замѣнитъ тьма.

Но, вотъ, незамѣтно оно склонилось съ зенита къ закату, быстро, быстро поплыло внизъ и однимъ краемъ коснулось горизонта,—граница между небомъ и землею. Оно не погасло, еще продолжаетъ свѣтить и издавать теплоту. Но свѣтъ его уже иной: не яркій, не ослѣпительный и не такъ теплый, а какой-то красноватый, какъ-бы постепенно пронизываемый и поглощаемый гдѣ-то позади его скрывающеюся тьмою; и уже чувствуется дыханіе, хотя и легкаго, но непріятно-пронизывающаго вѣтерка.

Величавая слава солнца еще не погасла, она только въ иной формѣ. Вотъ, оно далеко, далеко разлилось по горизонту, расширилось, зарумянилось, побагровѣло; играетъ своими лучами, могуче прорѣзывая набѣгающія тучки, золотя и серебра ихъ края, переливаясь въ тысячахъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, одинъ другого нѣжнѣе. Оно еще побѣждаетъ надвигающуюся и старающуюся поглотить его тьму. И все, что вблизи его, вширь и ввысь еще озарено его свѣтомъ, сливается съ нимъ, окрашивается въ чудные, быстро смѣняющіеся свѣтовые переливы его лучей и оттѣнковъ, свѣтитъ его игривой красотой.

Но на душѣ уже не то. Невольно закрадываются, хотя и робко, невеселыя думы. Въ сердцѣ появляется какая-то тихая, тихая

грусть. Противъ желанія, воли, предчувствуется скорая власть тьмы. Нѣжныя краски все быстрѣе и быстрѣе блѣднѣютъ и исчезаютъ въ сгущающихся темно-багровыхъ переливахъ догорающихъ послѣднихъ лучей. Гигантскія тѣни быстро, быстро, точно обгоняя другъ друга, бѣгутъ по землѣ. А бездонное небо... точно хочетъ спуститься на землю и съ нею во мглѣ потонуть. Въ мигъ погасли послѣдніе, смутные проблески свѣта. Все погрузилось въ непроглядную тьму. Уныло, томно и грустно, грустно стало на душѣ. И хочется плакать и плакать... о... скрывшемся свѣтѣ, о трепетѣ жизни предъ грозною властію тьмы и страшнымъ призракомъ смерти.

Такъ было и съ Солнцемъ правды—Иисусомъ Христомъ, явившимся въ міръ на спасеніе и вѣчную радость людей. Та же картина явленія въ мірѣ Его божественной славы и заката ея въ послѣдніе предсмертные дни Его на землѣ, и то же чувствуется при воспоминаніи о Немъ. Явился Онъ—Солнце правды міру и все залилъ свѣтомъ Своей истины и новаго откровенія о полной гармоніи, вѣчной, блаженной жизни въ Богѣ и—всѣхъ согрѣлъ теплотою Своей божественной любви. Немудрые, темные люди, озаряясь свѣтомъ Его небеснаго ученія, становились мудрыми и ясновидцами тайнъ премудрости Божіей (1-е Кор. I, 27; Мѡ. XI, 25). Мрачныя отъ грѣха души, освѣщаясь отъ лучей Его божественной святости, сами начинали свѣтить міру личною чистотою и красотой души. Окаменѣвшія, какъ скалы, сердца, согрѣваясь Его любовью, сами начинали издавать теплоту любви (Лук. XIX, 5—6, 8). Сухіе, какъ хворостъ, маловѣры воспламенялись отъ Него пылкою и горячею вѣрою (Іо. I, 46, 49; Мѡ. XVI, 16; Іо. XIII, 37; Іо. XX, 25, 28) въ Него. Мытарь, блудница, разбойникъ, чрезъ соприкосновеніе съ Нимъ, изъ презираемыхъ стали свѣточами міру, маяками въ темномъ, грѣховномъ житейскомъ мірѣ.

Искусственный, избобрѣтенный лукавымъ челоуѣческимъ разумомъ, свѣтъ книжниковъ и фарисеевъ ступевывался, исчезалъ предъ божественнымъ свѣтомъ (Іо. XII, 42) Солнца правды—Христа. Народъ, имѣя Его свѣтъ, отвергалъ фальшивый свѣтъ своихъ лицемѣрныхъ вождей (Іо. XII, 11; XI, 45—47, 50; VII, 31). Ихъ темная злоба не разъ посягала погасить свѣтъ Солнца правды и залить огонь Его любви, но, при первомъ прикосновеніи къ Нему, разсѣивалась и исчезала, какъ жидкое облачко (Іо. VII, 30, 44; VIII, 59; X, 39). „Въ

Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ чело-
вѣковъ“ (Іо. I, 4).

Казалось, такъ будетъ всегда: тьма неправды
и злобы людской никогда не затмитъ свѣта
Солнца правды и не потушитъ пламени Его
любви.

Но время Божественнаго опредѣленія о
сроку пребыванія на землѣ Солнца правды
настало (Лук. XXII, 22, 27). И Оно, достигши
зенита Своей славы (Іо. XI, 9. 43—48), вдругъ
склонилось и направилось къ предопредѣлен-
ному горизонту Своего теченія, къ границѣ
Своей земной славы—Іерусалиму (Іо. XI, 7, 16).
Здѣсь долженъ былъ свершиться Его земной
закатъ,—блеснуть послѣдній Его лучъ и—отъ
тьмы людской злобы на время сокрыться,
исчезнуть для міра Его слава и жизнь.

Закатъ Солнца правды—Христа постепенно
начался съ послѣдняго Его пути въ Іеруса-
лимъ, при торжественно-царственномъ входѣ
Его сюда. Лишь только спустился Онъ съ
зенита Своей славы (воскрешенія четырех-
дневнаго мертвеца—Лазаря (Іо. XI, 38—44) и
ступилъ на путь прощальной Своего свѣта
міру,—презрѣвъ всѣмъ извѣстную силу ожи-
давшей Его тьмы, злобы Синедриона (Іо. XI, 8;
XII, 56—57; Мр. X, 32), торжественно возсѣлъ
на осли (Мѡ. XXI, 7), какъ все вблизи Его
озарилось и запылало новою, прощальною сла-
вою Его могучаго свѣта (Іо. XII, 13—15, 17,
23; 28—31, 35—36). Все кругомъ слилось въ
одну торжествующую пѣснь: „осанна, Сыну
Давидову, благословенъ Грядый во Имя Го-
сподне“ (Мр. XI, 9). И чѣмъ дальше Онъ
шелъ, болѣе склонялся къ горизонту Своего
заката, тѣмъ болѣе и болѣе расширялись лучи
Его славы. Торжествующій свѣтъ заливалъ
все, касавшееся Его. И слава Его расшири-
лась, росла (Лук. XIX, 37—38), какъ зарево
заката. Къ сопровождавшимъ Его ученикамъ
присоединялись путники. На ихъ восторжен-
ные крики—славословія Ис. Христу выходили
толпы изъ сосѣднихъ селеній и также начи-
нали славить Его. И въ этомъ возрастающемъ
народномъ славословіи не отдѣльные звучали
голоса, не крики разъединенной толпы: сла-
вили Его всѣ, даже дѣти (Мѡ. XXI, 15). Все
слилось въ одну душу, въ одну звучащую
громадную, могучую народную грудь. И всѣ
были въ восторгѣ отъ этой славы Солнца
правды—Христа. У всѣхъ на душѣ было
свѣтло и радостно.

Но Самъ Свѣтъ—Ис. Христосъ чувствовалъ,
что власть тьмы близко, что скоро Его закатъ,
міръ уже не увидитъ Его и останется во тьмѣ.
И, вотъ, на горѣ Елеонской, неожиданно для
всѣхъ, прозвучала, переполнившая Его сердце,
скорбь: обращаясь къ искусственно-свѣтящему
Іерусалиму съ сокрытою, притаившеюся въ
немъ тьмою, Онъ горько, горько... зарыдалъ
(Лук. XX, 41—44).

Еще разъ могуче, торжествующе-побѣдо-
носно вспыхнули надъ тьмою людской злобы
свѣтозарные лучи Солнца правды—Христа
въ храмѣ Іерусалимскомъ, при изгнаніи изъ
него алчныхъ торжниковъ, и—открытомъ осу-
жденіи Имъ начальниковъ храма (Лук. XX,
45—48; Мѡ. XXI, 12—14; Мр. XI, 15—18). А
потомъ началось уже постепенное и ускоренное
потуханіе сіянія Его славы.

Раздавались еще аккорды торжествующей
мелодіи любви, но болѣе усиливались и росли
грустные звуки, заглушая и поглощая первые.
Въ прощальной бесѣдѣ Ис. Христа съ уче-
никами торжественно, побѣдоносно звучитъ:
„Да не смущается сердце ваше“ (Іо. XIV, 1),
„не оставлю васъ сиротами, приду къ вамъ“
(18 ст.), „мужайтесь, Я побѣдилъ міръ“ (XVI, 33);
но болѣе слышится скорби: „дѣти, недолго
уже быть Мнѣ съ вами“ (XIII, 33), „вскорѣ
вы не увидите Меня“ (XVI, 16), „Я умолю
Отца, и дастъ вамъ другаго Утѣшителя, Духа
истины“ (XIV, 16—17), „ненавидитъ васъ
міръ“ (XV, 19), „изгонять васъ“ (ст. 2), „вы
восплачете и возрыдаете, печальны будете“
(ст. 20), „наступитъ часъ... вы разсѣтесь...
Меня оставите Одного“ (ст. 32), „въ мірѣ бу-
дете имѣть скорбь“ (ст. 33), „идетъ князь
міра сего“ (XV, 30).

И чѣмъ болѣе приближается Ис. Христосъ
къ горизонту Своего заката, тѣмъ болѣе и
болѣе умалается слава, сіяніе Его божествен-
наго свѣта и сгущается надъ Нимъ тьма люд-
ской злобы. Въ саду Геосиманскомъ прозвучалъ
Его безстрашный вопросъ: „кого ищете?
Иисуса Назорея?.. это Я“ (Іо. XVIII, 4—5);
блеснулъ лучъ Его славы, ослѣпилъ окру-
жающихъ, разсѣялъ тьму (ст. 6), но тутъ же
и погасъ: „служители іудейскіе взяли и свя-
зали Его“ (ст. 12—13). На судѣ у Каиафы и
у Пилата вспыхиваютъ лучи Его божествен-
ной славы, но рѣдко, здѣсь больше уже спо-
койнаго, мягкаго и блѣднаго свѣта. Изрѣдка
прозвучитъ, разсѣетъ тьму торжествующее:
„Я царь“ (Мѡ. XXVII, 11; Мр. XV, 2; Лук. XXIII,
3; Іо. XVIII, 37), „Я Сынъ Божій“ (Лук. XXII, 70),
„узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одес-
ную Силы и грядущаго на облакахъ небес-
ныхъ“ (Мѡ. XXVI, 64; Мр. XIV, 62; Лук.
XXII, 69); но больше смиренія, молчанія и
покорности волѣ Божіей (Мѡ. XXVI, 62—63;
Мр. XIV, 61; XV, 5; Мѡ. XXVII, 12—14;
Іо. XIX, 11).

Грустные, надрывающіе душу, аккорды уча-
щаются, растутъ... Тьма людской злобы, окле-
ветаніемъ, оплеваніемъ, заушеніемъ и биче-
ваніемъ Солнца правды—Христа (Мѡ. XXVI,
60—61, 65, 67; XXVII, 28—31; Мр. XIV, 56—58,
64—65; XV, 3, 16—20; Лук. XXII, 63—65, 71;
XXIII, 5, 10—11; Іо. XVIII, 22; XIX, 1—3, 5, 7)
набрасываетъ на Его сіяющій Ликъ темныя
и мутныя, какъ сгущающіяся облака, пятна,
и онѣ все глубже и глубже врѣзываются въ

ослабѣвающее силы сіяніе Его славы. И свѣтъ Его начинаетъ сіять уже не торжествующимъ и расширяющимся заревомъ заката, а—струящимися потоками ярко-алой и тутъ же багровѣющей крови.

Свѣтъ слабѣтъ... Тьма все растетъ и растетъ..., сгущается. Вотъ, она бросаетъ въ высь небосклона громадную, разрастающуюся тѣнь, и тѣнь ползетъ отъ горизонта заката по землѣ все дальше и дальше, захватываетъ все, попадающее на пути, и даже находящиеся близъ закатавующагося Солнца людей. Злоба Синедріона, книжниковъ и фарисеевъ, всѣхъ враговъ Солнца правды—Христа, набрасывающихся на Него своею тьмою, сильнѣе и сильнѣе натягиваетъ струны грубой, кровавой гонимой толпы, окружающей Его. Смѣлѣе и смѣлѣе раздаются грозно-злые звуки.. Дерзкая рука ползетъ по этимъ струнамъ, захватываетъ ихъ, натягиваетъ, быстро скользитъ по нимъ, и.. дикіе, страшные звуки крѣпнуть, растутъ. Злоба раздражается отвратительно-рѣзкимъ и оглушительно-торжествующимъ: „распи, распни Его“ (Мѡ. XXVІІ, 22—23; Мр. XV, 13—14; Лук. XXІІІ, 21; Іо. XIX, 15), „кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ“ (Мѡ. XXVІІ, 25)! Тьма со всѣхъ сторонъ набрасывается на Солнце правды—Христа, ложится на Него всею своею тяжестью. Иисусъ Христосъ покорно беретъ на Свой рамена этотъ крестъ,—тяготу мрака всѣхъ грѣховъ міра. Временами Онъ падаетъ подъ тяготу этой страшной, давящей ноши—тьмы (Мѡ. XXVІІ, 32; Мр. XV, 21; Лук. XXІІІ, 26). Свѣтъ Его меркнетъ, но, разсѣвая тьму пламенной теплою Своей любви, снова встаетъ. Силы Его слабѣютъ. Но свѣтъ еще не погасъ, онъ еще борется съ тьмою и, хотя слабо, но ее побѣждаетъ (Іо. XIX, 17; Лук. XXІІІ, 26, 28—31).

Окончательный закатъ Солнца правды—Христа ожидалъ Его на Голгоѣѣ. Здѣсь предопредѣлено было Богомъ свершиться безпримѣрной и единственной въ мірѣ драмѣ богоборства,—возмутительнаго и отвратительнаго насилія человѣка—звѣря надъ Богочеловѣкомъ,—погашенія (хотя и временно) Свѣта тьмою,—торжества омраченной грѣхами плоти надъ свѣтозарнымъ духомъ.

Удивительное это явленіе, эта страница въ исторіи міра. Никакое другое историческое событіе не производитъ на душу того впечатлѣнія и дѣйствія, какъ это. При размышленіи о другихъ историческихъ событіяхъ, при обсужденіи и изученіи ихъ, воскресаютъ въ сознаніи люди давно-прошедшаго съ ихъ жизнію, облекаются въ плоть и кровь, но... какъ тѣни, и между ихъ душею и жизнію и впечатлѣніемъ отъ нихъ въ нашей душѣ ощущается глубокая пропасть прошедшаго и настоящаго. Но, вотъ, Голгоѣа..., крестъ съ Распятымъ на Немъ Христомъ!.. Лишь только

мелькомъ, краемъ сознанія коснешься этого мѣста, событія, и... въ душѣ мгновенно свершается чудо. Все это въ мельчайшихъ подробностяхъ врѣзывается въ сознаніе, какъ-бы пронизываетъ мозгъ, кровью запечатлѣвается на душѣ. Иисусъ Христосъ и Его враги, распинатели, встаютъ, какъ живые. Какъ-бы видишь ихъ лица, каждую черту, каждый мускулъ въ ихъ движеніяхъ, точно слышатся ихъ голоса, чувствуется ихъ дыханіе. И все это становится такъ близко душѣ, мыслямъ и чувствамъ, что не въ силахъ отдѣлиться отъ этого и не ощущается между потонувшимъ въ глубинѣ вѣковъ событіемъ и настоящими переживаніями въ твоей душѣ никакой раздѣляющей грани, черты: все отражается въ тебѣ, и самъ отражаешься во всемъ. Это что-то вѣчно-живое и животворящее! Голгоѣа... и крестъ... какъ много говорятъ они мысли и сердцу, какую полноту жизни вызываютъ въ душѣ?!

Вотъ, представляется ясный, солнечный день. Солнце ярко горитъ въ небесахъ. Все залито его ослѣпительнымъ свѣтомъ. Въ воздухѣ жарко и душно. Земля накалилась. Камни жгутъ босые ноги. Тропическая, сочная зелень пресытила воздухъ прянымъ благоуханіемъ цвѣтовъ. Въ природѣ благоговѣнное безмолвіе: ни одна вѣтка на деревѣ, ни одинъ лепестокъ на цвѣткѣ, ни одна былинка не дрогнуть, не шелохнуться. Предчувствуется что-то великое, мистическое въ мірѣ; и этого какъ-бы ждетъ сама природа.

Невдалекѣ отъ Іерусалима, возвышается холмъ съ лобно-образной вершиной, такъ называемая Голгоѣа. Ея видъ пустыненъ и дикъ. Здѣсь нѣтъ ни деревьевъ, ни цвѣтовъ. Здѣсь смертью вѣетъ. Сюда никто не ходитъ отдохнуть на лонѣ природы, полюбоваться красотою творенія Божія, развѣ кто по нуждѣ пройдетъ, или любопытный туристъ, безразлично падкій на все въ чужомъ краѣ. Здѣсь, обыкновенно, совершалась казнь выдающихся, неисправимыхъ, опасныхъ преступниковъ, и ихъ обезображенные трупы выставлялись на устрашеніе человѣка-звѣря. Въ народномъ воображеніи здѣсь постоянно бродятъ страшныя тѣни мертвецовъ. Этотъ холмъ въ пылкой фантазіи невольно рисуетъ картины ужаса и отвращенія. Сюда никогда не заглядывали порывистыя дѣти, здѣсь никогда не раздавался ихъ чистый, звонкій и радостный лепетъ и крикъ. Здѣсь ни одна юная душа не излилась въ веселой и жизнерадостной пѣснѣ. Но въ данное время этотъ безлюдный холмъ на вершинѣ усѣянъ народомъ. Всѣ суетятся, шумятъ. И тутъ необычная толпа: воины Пилата, архіерейская дворня и слуги, знаменитые книжники, передовые фарисеи, первосвященники, весь Еврейскій синедріонъ и отдѣльно отъ этой шумной толпы, въ отдаленіи, робко, безмолвно стоитъ группа плачущихъ

женщинъ и одинъ среди нихъ юноша (Іоан. XIX, 25—26; Мѡ. XXVII, 55—56; Мр. XV, 40; Лук. XXIII, 49).

Невольно изумляешься: что привело сюда эту странную толпу? Вотъ, въ центрѣ этой толпы, стоятъ связанные два типичныхъ разбойника. — Ихъ лица мрачно-злобны, что-то звѣрское проглядываетъ въ ихъ рѣзкихъ чертахъ. Они, кажется, готовы-бы растерзать эту толпу, если-бы освободить имъ руки отъ крѣпкихъ узъ и попалось-бы имъ въ руки оружіе. И съ ними измученный, обезсилѣвшій, съ струящеюся и мѣстами запекшеюся на лицѣ кровію, въ багряной одеждѣ, извѣстный всей Іудеѣ Іисусъ, сынъ Маріи изъ Назарета. — Въ Его лицѣ одно смиреніе, кротость, какая-то спокойная величавость, въ Его глубокихъ, задумчивыхъ глазахъ свѣтится безпредѣльная любовь.

Кто же изъ этихъ связанныхъ привлекъ пеструю и необычную толпу на Голгоѳу? Естественнѣе всего предположить, что стоящіе тутъ разбойники. Но, обычно, народъ избѣгалъ кроваваго зрѣлища казни ихъ. Синедрионъ совсѣмъ не являлся на эти зрѣлища. А теперь и время каждому дорого, скоро пасха, сколько хлопотъ, дѣла дома. Да никто изъ этой толпы и не обращаетъ вниманія на разбойниковъ. Но ужели привлекла эту толпу предстоящая жестокая казнь Смиреннаго и Кроткаго Іисуса Христа, Который „ни единого же грѣха сотвори“, Который столько любви проявилъ ко всѣмъ людямъ, особенно іудеямъ: никого изъ самыхъ презрѣнныхъ, — ни мытаря, ни блудницы не только не оттолкнулъ отъ Себя, но всѣхъ согрѣлъ Своєю животворящею любовію, Который всѣмъ плачущимъ отиралъ слезы и столько исцѣлилъ больныхъ, Котораго недавно еще обожала вся Іудея и привѣтствовала, какъ своего Обѣтованнаго Царя?.. Да... казнь Его, любвеобильнаго, кроткаго, святаго! — какъ это ни странно, ни противно здравому разуму.

Больныя духовныя очи народныхъ вождей не вынесли ослѣпительнаго для нихъ Божественнаго Свѣта и собрались погасить этотъ Свѣтъ. Тѣма возненавидѣла Солнце и собралась затмить Его. — Плоть не вмѣстила Духа и собралась подавить, разсѣять Его. Злоба возненавидѣла Любовь и собралась распять, растерзать Ее. Человѣкъ-звѣрь не вынесъ сожителства съ Богочеловѣкомъ и, въ ярости, поднялъ на Него орудія кровавой, смертоносной расправы.

Вотъ до чего можетъ дойти человѣкъ, оторвавшійся отъ Бога, поправшій святое святыхъ, презрѣвшій свой духъ и прилѣпившійся всѣмъ своимъ существомъ къ тлѣнному, страстному, грѣховному міру — обратившійся въ плоть и кровь!

Невдалекѣ отъ осужденныхъ на страшную казнь идетъ спѣшная работа. — Раздаются:

непріятный, раздражающій нервы, рѣзкій, отрывистый лягъ о каменистую почву ломовъ, и глухіе удары топоровъ; — это готовится мѣсто и утверждаются орудія казни.

Всмотришься въ эти лица, въ эту работу и удивляешься. Оффиціальныя и наемныя исполнители казни знаютъ, что дѣлаютъ и для чего: что готовятъ смерть людямъ и даже Невиннѣйшему и Святѣйшему. Но какія у нихъ спокойныя лица?.. Они еще весело болтаютъ между собою, шутятъ и острятъ по адресу осужденныхъ. Какія черствыя сердца! Какое тупое равнодушіе къ чужой жизни! Что ихъ сдѣлало такими? Ихъ ожесточило рабство плоти и окружающая ихъ атмосфера людскаго эгоизма и злобы. Ихъ Богъ — чрево. Ихъ жизнь — плоть и кровь. Міръ для нихъ — жестокая и безпріютная пустыня.

Вотъ, до чего доводитъ человѣка рабство плоти, обожаніе ее и борьба за существованіе!

Но что удивляться рабамъ и грубымъ римскимъ воинамъ! Они умственно не развиты, они дѣти жестокаго, безчеловѣчнаго, презирающаго ихъ рабовладычества. Вотъ, кругомъ осужденныхъ густою толпою стѣснились свѣточи Іудеи: народные молитвенники, ходатаи предъ Богомъ, служители дома Божія — первосвященники, знаменитые ученые толкователи закона Божія, пророческихъ писаній и отеческихъ преданій — книжники и образцовые блюстители и исполнители ветхозавѣтнаго закона — фарисеи. Тутъ весь цвѣтъ, передовыя и просвѣщенныя силы Іудеи. Всмотритесь въ ихъ лица, движенія. Глаза ихъ горятъ лихорадочнымъ блескомъ, мечутъ искры злобы; уста дышатъ ненавистью; на лицахъ играетъ злорадная улыбка. Движенія ихъ нервны, порывисты, они минуты не могутъ остаться въ покоѣ. Всѣ они — одно нетерпѣливое ожиданіе и чего? — казни безмолвно стоящаго среди нихъ Іисуса. Давно желанная Жертва среди нихъ, въ ихъ желѣзныхъ когтяхъ и не намѣрена искать свободы, да и обезсилена, и спасти Ее некому. Но злоба, по своему существу, въ самой себѣ имѣетъ страхъ. Имъ и тутъ мерещится: а вдругъ уйдетъ и избѣгнетъ казни? и они крѣпко охраняютъ Іисуса (Мѡ. XXIII, 36): Онъ связанъ. Имъ не довольно торжества насилія надъ кроткою Жертвою. Они, какъ коршунъ съ своею добычею, не сразу убиваютъ свою Жертву, чтобы упиться Ея кровію, но, прежде смерти Ея, потѣшаются надъ Нею (Мѡ. XXVII, 39, 41—43; Мр. XV, 29—30, 32), терзаютъ Ее и, играя своею жестокостію, по каплѣ источаютъ жертвенную кровь. Ихъ кровожадное сердце трепещетъ отъ обонанія крови, отъ одного представленія о ней. Въ нихъ не вспышка гнѣва горитъ, не камень злобы давить на сердце, а зло торжествуетъ, — ехидно, кровожадно радуется (Мр. XV, 36;

Лук. XXIII, 37; Мѡ. XXVII, 41—43, 49). Зло радуется?.. Какъ это жестоко и отвратительно звучить!.. Какое поганіе, кощунство надъ святынею въ человѣкѣ!.. Какое озвѣреніе Богоподобной твари!.. Здѣсь что-то демоническое... Ядовитый, радующійся смѣхъ зла!.. какъ это потрясаетъ нервы! Это зло открытое, разнузданное, оно ничего святаго, чистаго уже не видитъ, не чувствуетъ, оно не боится свѣта, какъ тьма, закрывшая свѣтъ. Яркій солнечный свѣтъ не стѣсняетъ ихъ открыто проявлять свою злобу и всю порочность, жестокость и темноту ихъ души. И, при этомъ свѣтѣ, ихъ злобныя лица еще отвратительнѣе. Кровью пахнеть отъ этихъ людей. Неприятно смотрѣть на ихъ лица. Жутко въ этой толпѣ. Хочется бѣжать и бѣжать отсюда. Тутъ нѣтъ жизни, а смертью вѣветъ.

Вотъ, до чего можетъ довести человѣка рабство плоти, удобствамъ и славѣ міра сего,—постепенное духовное ослѣпленіе, презрѣніе духа и истины!—не только до ожесточенія противъ Свѣта и Истины, но до злорадства тьмы въ поганіи Свѣта!

Смертоносная работа готова: кресты глубоко и плотно утрамбованы въ землю. Съ осужденныхъ на казнь снимаютъ одежды. Тутъ же, какъ хищные звѣри, жадные до всякой и ничтожной добычи, палачи растаскиваютъ малоцѣнные одежды, что кому попало въ руки, а о нижней, цѣлотканной одеждѣ Иисуса Христа метаютъ жребій (Мѡ. XXVII, 35; Мр. XV, 24; Лук. XXII, 34; Иоан. XIX, 23—24). Какая ненасытная алчность, при легкой и незащищаемой добычѣ чужого, хотя-бы и ничтожнаго по цѣнности имущества! Какая ненасытность позоромъ и униженіемъ беззащитной жертвы! Какое развращенное посмѣяніе надъ человѣческимъ тѣломъ, надъ этимъ храмомъ богоподобнаго духа! Какое тупое равнодушіе, безчувственность сердца предъ лицомъ ужасной, мучительной смерти ближняго!

Вотъ, до чего можетъ довести человѣка жажда наживы и замкнутый, холодный эгоизмъ!

Все готово... Толпа заволновалась... Крѣпкія, грубо-мускулистыя и цѣпкія, какъ когти, руки схватили Безмолвнаго, Покорнаго, Обнаженнаго Иисуса Христа и вознесли на крестъ (Иоан. III, 14; XII, 32). Взвились тяжелые молота и глухо застучали по длиннымъ гвоздямъ, направленнымъ въ пречистыя руки и ноги Божественнаго Страдальца... Кровь брызнула изъ зияющихъ ранъ и алмыи струйками полилась на жесткую землю... сочится она и изъ пречистой головы Его, исколотой терновымъ вѣнцемъ... Вотъ послѣдніе удары молотовъ... Обогрѣнное потоками крови пречистое Тѣло повисло на пригвожденныхъ ко кресту рукахъ, упираясь на пригвожденныя же ноги... Раны отъ тяжести тѣла болѣе и болѣе раз-

дираются до самыхъ костей... Кровь струится сильнѣе. Тѣло постепенно цѣпенѣетъ... Потоки Крови ослабѣваютъ, но она все еще сочится густыми каплями. И такъ... доколѣ не затаились раны темными сгустками крови. По тѣлу пробѣгаютъ и скользятъ судорожныя конвульсіи... Лице покрылось мертвенной блѣдностію... Ясный, глубокий взоръ очей какъ-будто тухнетъ...

Такъ же распяли по обѣимъ сторонамъ Иисуса Христа, для большаго посрамленія Его, и двухъ разбойниковъ (Мѡ. XXIII, 38; Мр. XV, 27; Лук. XXIII, 33), и исполнилось слово пророческое: „въ разбойникахъ вмѣнился“ (Мр. XV, 28).

Какая тяжелая картина страданій чело-вѣка! Какая страшная и мрачная панорама,—иллюстрація людской злобы и кровожадной жестокости!

Доселѣ солнце ярко свѣтило и заливало свѣтомъ Іерусалимъ и Голгоѳу. Но, вотъ, развращенные, озвѣрѣвшіе, безсердечные, кровожадные люди отвергли Явившагося къ нимъ въ человѣческомъ образѣ Бога и вознесли Его на позорный и мучительный крестъ. И лишь только тьма людской злобы набросилась на Солнце правды — Христа, чтобы затмить Его и скрыть отъ міра, какъ несмысленная природа, доселѣ равнодушная къ происходившему на землѣ, возмутилась противъ чело-вѣка-звѣря и отказалась служить ему своимъ животворнымъ тепломъ и свѣтомъ. Небеса, одѣтыя въ царственную, блестящую звѣздами и огненными свѣтилами, ризу, увидѣвъ обнаженное на посмѣяніе грубой, извращенной толпы тѣло Создателя всей красоты міра, не вынесли позора и униженія своего Творца наглостію извращенной толпы и закрыли Его отъ нескромныхъ, чувственныхъ взоровъ темной одеждою потухшей своей ризы. Свѣтъ солнца тотчасъ же внезапно померкъ (Лук. XXIII, 45). Всю землю (Мр. XV, 33) покрыла тьма. И такъ продолжалось отъ шестаго часа до девятаго, до кончины крестныхъ страданій Солнца правды—Христа (Мѡ. XXVII, 45; Мр. XV, 33; Лук. XXIII, 44—45).

Теплота вещественная не стерпѣла жестокости ледянаго чело-вѣческаго сердца и оставила землю: повѣяло пронизывающей прохладой.

Казалось-бы, что такое знаменіе природы должно было-бы само собою образумить безумную, безстыдную, жестокою и разсвирѣпѣвшую толпу: эта внезапная тьма должна-бы ужаснуть ихъ и обратить духовныя очи на Солнце правды,—а внезапный холодъ долженъ-бы содрогнуть ихъ и обратить ихъ сердца къ теплотѣ распятой ими Любви? Но тьма людской злобы и черствость чело-вѣческаго сердца, объятая вещественными тьмою и холодомъ окружающей природы, еще болѣе уси-

лились. Двѣ разнородныя тьмы какъ-бы слились въ одну непроглядную, непроницаемую, громадную, всеобъемлющую, торжествующую тьму. Два противоположныя, холодныя теченія слились въ одно и обледенили все вокругъ потухающаго Солнца-правды и всепрощающей Любви. Тьма выросла во что-то ужасное, страшное. Какъ могучій потокъ, она заливаетъ все вокругъ креста. Какъ змѣя, заползаетъ въ душу толпы и своимъ ядомъ отравляетъ все ея тончайшія ткани. И тьма природы уже не въ силахъ затмить эту тьму людской злобы. При внѣшней тьмѣ, въ темнотѣ вещественной она еще смѣлѣе, дерзновеннѣе, тутъ она чувствуетъ свою родную атмосферу и не знаетъ предѣла своей силѣ и дерзости. Тьма людской злобы, еще робѣющая при свѣтѣ, скрывающаяся отъ него, въ темнотѣ начинаетъ свѣтить своимъ, ей только присущимъ, адскимъ свѣтомъ. Это не обычный свѣтъ, проясняющій и согрѣвающій, даже—непохожій на спокойный, безжизненный и холодный свѣтъ фосфорическій. Это скорѣе молніеобразныя, какъ бы электрическія искры какого-то темнаго, неосязаемаго чудовища, блестящія во тьмѣ и холодными лучами пронизывающія сердце.

Страждущій Иисусъ Христосъ окутанъ покровомъ тьмы... Его почти не видно, трудно разсмотрѣть Его страдальческій Ликъ... Потемнѣвшія небеса сокрыли отъ злорадствующаго и омраченнаго своею злобою человѣка смертоносныя конвульсіи Его страждущаго тѣла, Его мучительную борьбу съ угасающею, тѣлесною жизнію.

Но всмотритесь въ лица виновниковъ Его крестныхъ страданій, въ Его безсердечныхъ, кровожадныхъ мучителей — первосвященниковъ, книжниковъ и фарисеевъ. Куда дѣвалась ихъ степенная, сановитая величавость (Мѡ. XXIII, 39; Мр. XV, 29)?—Они смѣшались и объединились съ подонками общества (Мѡ. XXVII, 39),—съ продажною своею челядью, съ грубыми рабами и ведутъ себя хуже ихъ, забыли всякій стыдъ и сдержанность. Куда дѣвались мудрость и расчетливое благоразуміе книжниковъ?—Они безумствуютъ, поощряя своимъ примѣромъ (Мр. XV, 36; Мѡ. XXVII, 49) и восхваляя зло. Куда дѣвались показныя добродѣтели фарисеевъ: ихъ благоговѣйныя вздохи предъ святымъ въ человѣкѣ, ихъ сострадательность, милосердіе и т. п.?—Они наслаждаются зрѣлищемъ страшной, мучительной смерти и благоуханіемъ невинно-проливаемой Крови. Ихъ лица сіяютъ, да... въ темнотѣ и сіяютъ, какъ багровыя, налитыя кровью, двигающіяся и скользящія по темнотѣ тѣни. А глаза ихъ?.. Они не свѣтятъ, а какъ-то вспыхиваютъ, и въ темнотѣ эти вспышки кажутся огненными;—въ природѣ даже нѣтъ подобнаго свѣта, — это свѣтъ демоническій, адскій,—онѣ постоянно мечутъ, тутъ же по-

тухающія, искры. Вся эта толпа кажется чудовищными, двигающимися тѣнями съ багровыми, ехидно-злорадными, кровожадными лицами, съ искрящимися злобою глазами. Это какъ будто не люди, а темные демоны, вышедшіе изъ нѣдра ада на землю и принявшіе призракъ человѣка. Среди этой толпы явно чувствуется присутствіе и дыханіе діавола, всей силы ада. Страшно въ этой толпѣ... Кровь леденѣетъ въ жилахъ... Сердце замирать предъ этой властію тьмы и силою зла...

Въ объявленной землѣ злоба враговъ Иисуса Христа, почувавъ свою свободу, развивается въ разбушевавшуюся стихію, въ страшную бурю. Порывы ея крѣпнутъ и свирѣпѣютъ. Она съ шумомъ носится вокругъ креста, обдаетъ его холодомъ, терзаетъ пречистое Тѣло Христово, терзаетъ до крови. Вотъ, кажется, еще такой порывъ ея, и свѣтъ Христовъ потухнетъ на крестѣ; но онъ еще мерцаетъ. То, какъ вскрывшійся, огнедышащій вулканъ, она съ шумомъ вырывается изъ нѣдръ разсвирѣпѣвшей толпы, горячимъ грязнымъ пѣломъ обдаетъ Крестъ Христовъ и невыносимо обжигаетъ раны на Тѣлѣ Христовомъ, жжетъ Его быстро пульсирующую кровь и вокругъ Него, въ толпѣ выжигаетъ и мертвитъ все чистое, все покрываетъ тьмою и въ этой тьмѣ сверкаетъ лучами адскаго огня, и все грохочетъ, грохочетъ...

Иисусъ Христосъ безмолвно продолжаетъ страдать на крестѣ. Съ каждымъ малѣйшимъ движеніемъ, съ каждою минутою Его страданія все болѣе усиливаются. Раздираемая тяжестію пригвожденнаго къ кресту тѣла, раны на рукахъ и ногахъ нестерпимо жжетъ, какъ огнемъ.

Но эти страданія не вразумляютъ и не смягчаютъ жестокости Его мучителей. Эти самыя страданія они обращаютъ въ пищу для своей ненасытной злобы и жестокости. Тьма, побоявшая свѣтъ, издѣвается надъ Его безсиліемъ, угасаніемъ и надъ прежнею Его славою. „Проходящіе мимо креста злословятъ Иисуса Христа и, кивая головами, насмѣхаются надъ Нимъ (Мѡ. XXVII, 39; Мр. XV, 29), говоря: „э, разрушающій храмъ и въ три дня созидающій, спаси Себя Самого, если Ты Сынъ Божій, сойди со креста“ (Мѡ. XXVII, 40; Мр. XV, 29—30). Поносятъ Его также и распятыя съ Нимъ разбойники (Мѡ. XXVII, 44; Мр. XV, 32). Еще болѣе злоехидно насмѣхаются надъ Нимъ первосвященники, книжники, старѣйшины и фарисеи, говоря: „другихъ спасалъ, а себя Самого не можетъ спасти; если Онъ царь Израилевъ, пусть теперь сойдетъ съ креста и увѣруемъ въ Него, уповаль на Бога, пусть теперь избавитъ Его, если Онъ угоденъ Ему, ибо Онъ сказалъ: я Божій Сынъ“ (Мѡ. XXVII, 41—43; Мр. XV, 31—32; Лук. XXIII, 35).

Здѣсь зло, какъ раскрывшаяся во всю ширь пасть древняго змѣя съ его острымъ, смерто-

носнымъ жаломъ, вонзается въ Иисуса Христа, жалить, отравляетъ Его жизнь и ехидно смѣется надъ своею беззащитною, ослабѣвшею силами Жертвою. Нестерпимыя страданія вызываютъ въ мучителяхъ только смѣхъ. Пожирющее смѣется надъ поядаемой Жертвой.

Какъ это противоестественно! Какъ этотъ смѣхъ дикъ и страшенъ въ темнотѣ! Въ раскатахъ этого смѣха слышится адскій грохотъ мертвящаго живого вулкана. Въ этомъ смѣхѣ, грохотѣ зла тиранъ-человѣкъ принимаетъ видъ кровожаднаго, ненасытнаго, ехиднаго, злорадствующаго чудовища, пьющаго кровь терзаемой жертвы, услаждающагося этою кровію и смѣющагося отъ радости... Въ этомъ чудовищѣ почти не ощущается ничего человѣческаго.

Тьма людской злобы все болѣе и болѣе побѣждаетъ сіяніе свѣта Солнца правды—Христа. Лучи Его божественной славы едва мерцаютъ, и ядъ злобы людской болѣе и болѣе отравляетъ Его жизнь. Но удивительно: злоба людская оказывается не въ силахъ охладить и умертвить теплоту божественнаго Свѣта—любовь. Свѣтъ Его—слава едва мерцаетъ, а теплота—любовь все та же, даже болѣе возрастаетъ. При всемъ униженіи Своей славы, обезсиленный подъ тяжестью креста на пути къ Голгоѣ, Онъ на слезы плачущихъ о Немъ женщинъ отвѣчаетъ любовію и состраданіемъ къ нимъ, согрѣваетъ ихъ холодѣющія отъ скорби сердца: „Дщери Иерусалимскія, не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ, ибо приходятъ дни, въ которые скажутъ: блаженны неплодныя и угробы неродившія и сосцы непитавшіе. Тогда начнутъ говорить горамъ: падите на насъ, и холмамъ: покройте насъ. Ибо, если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ, то съ сухимъ что будетъ“ (Лук. XXIII, 28—31)? И теперь, когда злоба Его мучителей достигаетъ крайнихъ предѣловъ, своего апогея, на всѣ ядовитыя насмѣшки надъ Его изнеможеніемъ, умаленіемъ Его славы и на дерзкія издѣвательства надъ бывшею Его славою Онъ отвѣчаетъ всеобъемлющею, дышащей теплотою, любовію: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“ (Лук. XXIII, 34).

Какой чудной, нѣжной, ласкающей и животворящей душу мелодіей звучатъ эти небесные божественные звуки среди адскаго грохота, рева и свиста разбушевавшейся людской злобы! Какъ глубоко они проникаютъ въ душу, какую радостію и миромъ наполняютъ сердце! Сколько въ нихъ теплоты и жизни! Слушая ихъ, забываешь весь эгоистичный, холодный міръ, пропадаетъ страхъ предъ людскою злобою и ужасами ада, и слышалъ бы эту чарующую и воскреляющую духъ мелодію безъ конца. И неволью душа исполняется вѣрою: что свѣтъ, издающій такую теплоту и при слабомъ мерцаніи, не въ

состояніи поглотить никакая тьма, хотя-бы непроницаемая, что никакая буря не въ состояніи погасить его окончательно, что она можетъ задуть его пламя, его яркіе лучи, но искры его не погасить, и что теплота неожиданно, со временемъ, раздуетъ эту искру, и снова засіяетъ свѣтъ во всей своей славѣ, въ новомъ торжествѣ. Въ неизмѣняемости теплоты и жизненности любви Христовой, при всемъ холодѣ пронизывающей ее людской злобы, чувствуется ея побѣда, торжество надъ тьмою и холодомъ людскаго зла.

И эта сила Божественной любви надъ тьмою и холодомъ зла тутъ же сказала. Недавно еще вмѣстѣ съ другими носили Иисуса Христа разбойники, висѣвшіе рядомъ съ Нимъ (Мѣ. XXVІІ, 44; Мр. XV, 32) на крестахъ и одинъ, висящій по лѣвую сторону, и теперь, не смотря ни на что, продолжаетъ носить Его (Лук. XXIII, 39). Но лишь только прозвучали небесные звуки Божественной любви Христовой: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“, и эти звуки коснулись изъязвленной и омраченной злодѣянїями души разбойника, висѣвшаго по правую сторону, лишь только теплота этой любви коснулась его холоднаго сердца, какъ эти звуки тамъ... въ глубинѣ души подъ толстою, казалось, непроницаемою корою разбойничьяго сердца, встрѣтили родное созвучіе, хотя и въ слабыхъ, но еще сохранившихся чистыхъ звукахъ, и эта теплота встрѣтилась въ сердцѣ разбойника, подъ густымъ слоемъ грязнаго пепла, съ непогасшею еще чистою искрою, и въ душѣ разбойника свершилось чудо отъ божественной любви. Гдѣ-то глубоко, на днѣ души, подъ толстымъ слоемъ грѣховнаго пепла, оставшаяся въ немъ искра состраданія, сочувствія вдругъ запылала въ немъ яркимъ свѣтомъ и разрослась въ пламя состраждущей, готовой на безграничный подвигъ самоотверженія, любви. Этотъ свѣтъ озарилъ всю его мрачную душу, и ему стало все ясно. Эта теплота растопила ледяное его сердце, и оно запылало любовію. Эти звуки любви разбудили его заглохшую для чистой жизни и радости душу, и она вся обратилась въ слухъ для небесной мелодіи любви, въ одно непреодолимое стремленіе слушать ее безъ конца. А прежніе адскіе звуки зла, прежній мракъ грѣха, грубость и черствость плоти, вся прежняя мрачная и жестокая личная жизнь и, злоствующая противъ Иисуса Христа, толпа сразу стали ему ненавистны, предстали его возрожденному взору, какъ величайшая несправедливость и богохульство, какъ отрицаніе истинной жизни. И изъ устъ возрожденнаго Христоваго любовію разбойника неожиданно зазвучала чудная пѣснь о правдѣ, о святости, о всемогуществѣ любви и о радостяхъ рая: „Или ты не боишься Бога, обратился онъ къ насмѣхавшемуся надъ Иисусомъ Христомъ разбойнику, когда и самъ осу-

жденъ на то же? Мы осуждены справедливо, потомучто достойное по дѣламъ нашимъ приняли, а Онъ ничего худого не сдѣлалъ“, и потомъ, обратившись къ Иисусу Христу, сказалъ: „помяни меня, Господи, когда прійдешь во Царствіе Твое“ (Луки XXIII, 40—42)!

И въ отвѣтъ на это тотчасъ торжественно, побѣдоносно прозвучало изъ устъ Иисуса Христа: „истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю“ (Лука. XXIII, 43). Слабая, но чистая пѣснь разбойника вызвала могучіе, торжествующіе звуки Божественной Любви. И то и другое слилось въ одну могучую, торжествующую, чарующую и побѣдную пѣснь любви, святости, вѣры и райской жизни.

Какъ побѣдоносно, торжествующе и улаждающе и оживляюще звучитъ эта пѣснь догорающей жизни среди дикаго рева и адскаго грохота бушующей во тьмѣ человѣческой злобы! Какъ отвратительны и ничтожны эти, хотя и сильные, звуки бушующей и свирѣпѣющей злобы предъ животворящей мелодіей небесной любви! Нѣтъ, людской злобѣ никогда не побѣдитъ небесной любви! Въ злобѣ нѣтъ источника и свѣта жизни, а человѣкъ хочетъ, долженъ жить, и потому она должна умереть. Ни разумъ, ни сердце человѣка никогда не помирятся съ торжествомъ злобы надъ любовію. И лишь только проникнуть звуки и теплота небесной любви въ душу человѣка, человѣкъ самъ отвернется отъ зла, объявитъ въ себѣ войну ему и побѣдитъ его, ибо въ любви и сила, и свѣтъ, и жизнь (1-е Кор. XIII, 3, 13).

Но тьма людской злобы, при побѣдномъ проблескѣ любви, сгущается еще болѣе и порывы ея сильнѣе и сильнѣе крѣпнуть противъ Солнца правды—Христа. Свѣтъ Солнца правды догораетъ... Его уже едва замѣтно. Жизненные силы Его ослабѣваютъ и, кажется, скоро оставятъ. Измученный и физически и нравственно, Иисусъ Христосъ болѣе не въ силахъ бороться съ Своими невыносимыми страданіями и мучительно-угасающею жизнью. И некому поддержать Его угасающій свѣтъ, подкрѣпить Его ослабѣвающія силы. Нѣтъ близъ Него достаточно-сильной теплоты любви, чтобы помочь Ему, чтобы разсѣять окружающую Его тьму и растопить въ сердцахъ окружающей Его толпы глыбы льда. Всѣ, горѣвшіе къ Нему любовію, Его ученики давно Его оставили и разсѣялись, какъ овцы безъ Пастыря (Мѡ. XXVI, 31, 56. Мр. XIV, 27), и даже пламенный Петръ, недавно еще клявшийся идти за Него на смерть (Іо. XIII, 37), и тотъ отсутствуетъ и лишь въ уединеніи пока источаетъ холодныя слезы (Мѡ. XXVI, 75) объ отвергнутомъ имъ (Мѡ. XXVI, 69, 71, 74) житотворящемъ и согрѣвающимъ Свѣтѣ. Вдали отъ креста направляетъ на Него теплыя лучи любви небольшая группа любящихъ и преданныхъ Ему женщинъ и любимый Его

ученикъ Іоаннъ и, особенно, Пречистая Его Матерь (Лука. XXIII, 27, 49; Іоан. XIX, 26—27). Но что ихъ человѣческая любовь, безъ поддержки и помощи божественнаго огня, какъ она можетъ развиваться въ могучее пламя, когда потухаетъ Самъ Свѣтъ Божественный?! Эта любовь, при видѣ окружающей ее тьмы и холодной жестокости человѣческой злобы, робко теплится, вдали (Мѡ. XXVII, 55) отъ злобной толпы, въ глубинѣ души и лишь проливаетъ потоки слезъ о своемъ безсиліи...

И, вотъ угасающій Свѣтъ—Христосъ, не найдя въ жестокомъ и немощномъ человѣкѣ поддержки Своей угасающей жизни, Своему потухающему свѣту и Своему изстрадавшему сердцу, обращается туда, гдѣ Единный источникъ правды, силы, могущества и любви, къ Своему Небесному Отцу. Около девятаго часа Онъ громкимъ голосомъ возопилъ: „Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставилъ?“ (Мѡ. XXVII, 46; Мр. XV, 34).

Но и эта послѣдняя мольба изстрадавшагося сердца и угасающей жизни не только не вызвала въ толпѣ озвѣрѣвшихъ мучителей хотя бы капли сочувствія, состраданія, но напротивъ, изъ ея злобствующей пасти вырвался лишь новый потокъ ѣдкихъ, ядовитыхъ насмѣшекъ и издѣвательствъ. Одни отвѣчали на это: „Илію зоветь“ (Мѡ. XXVII, 47; Мр. XV, 35), а другіе: „посмотримъ, придетъ ли Ілія спасти Его“ (Мѡ. XXVII, 49).

Послѣ этого Солнце правды быстро покатилось за черту горизонта. Лишь слабыя, блѣдныя лучи Его остались тонкою полоскою на крайней чертѣ горизонта. Кажется, еще моментъ и ихъ не станетъ. Въ предчувствіи этого, Солнце правды—Христосъ въ послѣдній разъ воззвалъ къ состраданію человѣческаго сердца, едва выговоривъ запекшимися устами: „жажду“ (Іоан. XIX, 28). Но, когда и на этотъ послѣдній, предсмертный стонъ невыносимыхъ страданій въ объятый непроглядной тьмою злобы толпѣ ни отъ кого не нашлось помощи, или хотя бы слова сочувствія, кромѣ чуждаго Ему, обычно черстваго римскаго воина, поднесшаго къ устамъ Его губку, намоченную уксусомъ (Іо. XIX, 29), а со стороны толпы мучителей лишь снова полились неудержимымъ мутнымъ потокомъ одни лишь насмѣшки и издѣвательства: „постой, посмотримъ, придетъ ли Ілія спасти Его“ (Мѡ. XXVII, 49; Мр. XV, 36), Иисусъ Христосъ „возгласилъ громкимъ голосомъ“ (Мѡ. XXVII, 50; Мр. XV, 37. Лука. XXIII, 46): „свершилось“ (Іоан. XIX, 30), „Отте! въ руки Твои предаю духъ Мой“ (Лука. XXIII, 46) и, сказавъ это и преклонивъ главу (Іо. XIX, 30), испустилъ, (Лука. XXIII, 46; Мр. XV, 37; Мѡ. XXVII, 50), предалъ духъ (Іоан. XIX, 30) Богу Отцу.

Послѣдній лучъ Солнца правды погасъ. Все кругомъ креста въ безконечную даль погрузилось въ непролицаемую, непроглядную тьму.

Звѣзды и тѣ потонули во тьмѣ. Злобный, дикій, демоническій, торжествующій, смѣхъ провалился изъ сокрытой во тьмѣ толпы виновниковъ страшныхъ крестныхъ страданій и смерти Солнца правды—Христа, и поползъ, заскользилъ по ней змѣинымъ, ехиднымъ, злорадствующимъ шопотомъ. Діаволь торжествуяще, свободно расхаживалъ среди этой толпы, самонадѣянно предвкушая скорую свою власть надъ всѣмъ міромъ. Адъ готовился къ демоническому торжеству побѣды надъ Божественнымъ планомъ спасенія міра чрезъ Бого-человѣка—Христа.

Но тутъ случилось нѣчто, обычно, неожиданное для омраченнаго грѣхомъ и злобою разума. Когда Солнце-правды сокрылось за горизонтъ міра,—Иисусъ Христосъ скончался и Его Божественная кровь обогрела землю и впиталась въ нее, доселѣ безмолвная природа содрогнулась въ ужасѣ отъ оставившаго ее Божественнаго Свѣта, отъ — безпримѣрнаго, недомыслимаго надруганія и насилія надъ Нимъ тьмы людской и демонской злобы и заколебалась въ своихъ основаніяхъ. Земля потряслась, задрожала... и камни разсѣлись, и гробы отверзлись, и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли—и вышли изъ гробовъ“ (Мѡ. XXVII, 52—53). „Завѣса церковная въ храмѣ Іерусалимскомъ разодралась надвое, сверху до низу“ (Мѡ. XXVII, 51—53; Мр. XV, 38; Лук. XXIII, 45). Съ шумомъ закрутиль пронзительно-холодный вихрь, поднимая облака пыли съ мелкимъ гравіемъ, ударяя въ лица обезумѣвшей, доселѣ спокойно-дерзкой толпы. Народъ, спешійся для кроваваго зрѣлища на Голгоѡу, насмотрѣвшись на все происшедшее, въ ужасѣ устремился съ Голговы „бія себя въ грудь“ (Лук. XXIII, 48), одни—отъ безсильной злобы, другіе отъ мучительнаго позора и раскаянія.

Зло въ діавольскомъ своемъ мракѣ и ослѣпленіи, въ своей борьбѣ съ Солнцемъ-правды—Христомъ, не предусмотрѣло, опустило изъ виду непреложную истину, даже для физической природы: что тепло въ высшемъ своемъ напряженіи обращается въ свѣтъ. Если это законъ для мертваго вещества, то какъ же можно уничтожить Солнце-правды—Христа, не уничтоживъ теплоты Его Божественной любви?

А такъ какъ чѣмъ болѣе, ослѣпленные своею злобою, мучители Иисуса Христа затмевали мракомъ своей злобы славу Его божественнаго свѣта, тѣмъ болѣе возрастала теплота Его любви, дошедшая въ своемъ напряженіи до молитвы за своихъ безсердечныхъ мучителей (Лук. XXIII, 34), то не успѣли еще мучители Христовы усладиться побѣдою своей власти тьмы надъ властью свѣта Христова, услышавъ Его послѣдній вздохъ и увидѣвъ безжизненно склонившуюся Его главу, какъ отъ теплоты Его всеобъемлющей бо-

жественной любви уже начали вспыхивать, пронизывающія душу, искры Его божественнаго, спасительнаго свѣта. Доселѣ черствые, равнодушные къ человѣческимъ страданіямъ—Римскій сотникъ и тѣ, которые съ нимъ стерегли Иисуса, услышавъ предсмертныя Его слова при послѣднемъ Его вздохѣ, и видя землетрясеніе и все бывшее, пришли въ великій страхъ, прославили Бога и воскликнули: „воистину Онъ былъ праведникъ, Сынъ Божій!“ (Мѡ. XXVIII, 54; Мр. XV, 39; Лук. XXIII, 47).

Солнце правды изъято отъ взора людскаго, сокрыто во гробъ въ глубокой пещерѣ, заваленной большимъ камнемъ (Мѡ. XXII, 60; Мр. XV, 45—46; Лук. XXIII, 53; Іо. XIX, 38—42). Тьма людской злобы продолжала торжествовать свою побѣду надъ Солнцемъ правды, хотя уже и не такъ дерзко и спокойно, какъ на Голгоѡѣ. Страшныя знаменія возмущенія мертвой природы за поруганіе и изъятіе изъ міра Божественнаго Свѣта, исповѣданіе Римскимъ сотникомъ Распятаго Иисуса Сыномъ Божіимъ, помимо воли, тревожатъ сердца преступниковъ призракомъ непобѣдимаго могущества умерщвленной ими Жертвы, и они спѣшатъ заручиться разрѣшеніемъ Римской власти запечатать пещеру съ погребеннымъ въ ней Иисусомъ и приставить къ ней грозную, бдительную стражу, затемняя, затушевывая свое малодушіе и тревожный, мучительный страхъ лживымъ извращеніемъ предсказанія Христова о Его воскресеніи изъ мертвыхъ и опасностію возможной покражи тѣла Его преданными Ему лицами.

На другой день, въ субботу первосвященники и книжники собрались къ Пилату съ ходатайствомъ: господинъ, мы вспомнили, что обманщикъ тотъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну; и такъ прикажи охранять гробъ до третьяго дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: воскресъ изъ мертвыхъ; и будетъ послѣдній обманъ хуже перваго“ (Мѡ. XXVII, 62—64). И это послѣднее ухищреніе, жало, направленное противъ самой возможности воскресенія славы Солнца-правды исполнено: Пилатъ отвѣтилъ имъ: „имѣете стражу, пойдите, охраняйте, какъ знаете“. Они пошли и поставили у гроба стражу и вмѣстѣ съ Іосифомъ Аримаѡейскимъ приложили къ камню печать (Мѡ. XXVII, 65—66; Мр. XV, 46).

Все погрузилось въ безмолвіе. Безмолвно покоится въ темной, запечатанной пещерѣ, охраняемой грозной и бдительной воинской стражей, погашенное властью тьмы Солнце правды—Христосъ. Въ безмолвной тревогѣ съ нетерпѣніемъ ждетъ своего окончательнаго, побѣднаго торжества злобная власть тьмы человѣка-звѣря. Спокойно торжествуетъ свою мнимую побѣду надъ Спасителемъ міра діаволь. Въ безмолвіи теплится въ небесахъ не-

угасимая лампада божественной отеческой любви Бога Отца къ Своему Единородному, Единосущному Сыну, волею воспріявшему муку креста и смерть въ человѣческой плоти за грѣхи, на спасеніе міра, готовая вотъ, вотъ, всею своею полнотою излиться на Него покоющагося во гробѣ. Такъ проходитъ три дня, предреченныхъ пророками и Самимъ Иисусомъ Христомъ.

Наступаетъ тревожная для враговъ Христовыхъ и полная скорби, близкой къ отчаянію, для учениковъ и приверженцевъ Христа, послѣдняя предреченная ночь.

Все объято непроглядною тьмою. Все спитъ, исключая бдительной стражи у гроба Христова.

Лишь незримо для міра, на почивающаго во гробѣ Иисуса Христа изливается съ высоты небесъ всемогущая, все воспламеняющая, просвѣщающая и оживляющая сила Божественной любви Бога Отца. И лишь только эта теплота, сила Божественной любви коснулась Померкнувшаго Солнца правды—Почивающаго во гробѣ Иисуса Христа, какъ Онъ мгновенно воскресъ. И тотчасъ весь міръ снова озарился все заливающимъ, торжествующимъ и уже непобѣдимымъ свѣтомъ Воскресшаго Солнца правды. Непроглядную ночь тьмы внезапно, въ видѣ двухъ молніеподобныхъ стрѣлъ, прорѣзали своимъ чуднымъ свѣтомъ мгновенно спустившіеся съ небесъ два ангела въ блестящихъ, молніеподобныхъ, свѣтлыхъ ризахъ (Мѣ. XXVІІІ, 3; Мр. XVI, 5; Лук. XXIV, 4; Іоан. XX, 12). Одинъ изъ нихъ отвалилъ отъ гроба камень (Мѣ. XXVІІІ, 2), и Воскресшій Иисусъ Христосъ, какъ восходящее солнце, торжествующе вышелъ изъ гроба, а ангелъ сѣлъ на камень (Мѣ. XXVІІІ, 2).

Земля снова пришла въ великое сотрясеніе, (Мѣ. XXVІІІ, 2) но уже отъ озарившей міръ радости о Воскресшемъ Солнцѣ правды—Христѣ.

Храбрые, не разъ смѣло, вызывающе смотрѣвшіе въ глаза надвигавшейся смерти, воины, сторожившіе пещеру съ погребеннымъ въ ней Иисусомъ, отъ происшедшаго въ паническомъ страхѣ сначала встали, ослоненѣли, какъ мертвые (Мѣ. XXIII, 4), а потомъ часть ихъ побѣжала въ городъ объявить первосвященникамъ о всемъ случившемся (Мѣ. XXVІІІ, 11).

Воскресшіе, еще при крестной кончинѣ Ис. Христа, святые поспѣшили въ Іерусалимъ для свидѣтельства о воскресеніи Христовомъ (Мѣ. XXVІІ, 53).

Враги Христовы въ ужасѣ предъ непобѣдимую силою свѣта Воскресшаго Солнца правды, спасая свою ското и звѣроподобную плоть и въ дерзкой, но уже безумной, бесплодной надеждѣ хотя сократить и ослабить сіяніе славы Воскресшаго, быстро сплотились около новаго преступнаго замысла злобы тьмы: зада-

рить деньгами стражу, бывшую при гробѣ Христовомъ, и Пилата, чтобы первые распространяли въ народѣ молву: будто ученики Христовы, во время ихъ сна, пришедши ночью украли тѣло Иисусово, а второго,—чтобы не препятствовалъ распространенію этой басни и не наказывалъ стражу за неисполненный долгъ (Мѣ. XXVІІІ, 12—15).

Ненасытные корыстолюбцы, не знающіе ничего цѣннѣе золотаго тельца и сладостнѣе покупаемыхъ золотомъ услажденій плоти, и при свѣтѣ торжествующей истины, спокойно продали свою совѣсть ненасытной злобѣ власти тьмы (Мѣ. XXVІІІ, 12—15). Измысленная человѣческой злобой противъ истины басня о покражѣ погребеннаго Ис. Христа держать въ своихъ оковахъ іудеевъ, не допускаетъ ихъ до спасительной вѣры въ Воскресшаго Мессію—Христа и распространяется ими въ міръ до сего дня (Мѣ. XXVІІІ, 15). Но эта послѣдняя вспышка злобы, послѣдняя тѣнь власти тьмы въ борьбѣ съ Солнцемъ правды, при свѣтѣ воскресшей его славы въ еще большемъ сіяніи торжества и могущества истины, уже не въ силахъ оказалась и оказывается доселѣ побѣдить Его. Радостная, животворящая, свѣтлая вѣсть ангеловъ, оставшихся по воскресеніи Христовомъ при гробѣ Его, о—воскресеніи Распятаго и Погребеннаго Иисуса Христа, сообщенная ими приходившимъ ко гробу умаститъ тѣло Возлюбленнаго Учителя—Страдальца женамъ мироносицамъ (Мѣ. XXVІІІ, 5—7; Мр. XVI, 1—7; Лук. XXIV, 1—7), подтвержденная неоднократно явленіями Самого Воскресшаго и женамъ мироносицамъ, и Своимъ ученикамъ и цѣлымъ народнымъ толпамъ и Его бесѣдами съ ними (Мѣ. XXVІІІ, 7, 9—10, 16—20; Мр. XVI, 7, 9—10, 12—19; Лук. XXIV, 13—32, 34—53; Іо. XX, 14—17, 19—30; XXI, 1—23) съ неудержимую быстротою стала распространяться по міру и заливать его мощною волною этой животворящей, побѣдоносной истины (Мѣ. XXIII, 8, 19; Мр. XVI, 10, 13, 20; Лук. XXIV, 9—10, 33, 35; Іо. XX, 18; Дѣян. II, 24, 32).

Діаволь, при неожиданномъ, внезапномъ выходѣ изъ гроба въ ослѣпительномъ, побѣдоносномъ сіяніи и славѣ Воскресшаго Солнца правды—Христа, въ страхѣ и трепетѣ (Іак. II, 19) ринулся во адъ, чтобы заключить его двери и удержать въ его мрачныхъ темницахъ мертвецовъ, вверженныхъ туда отъ начала міра. Но „Имѣющій ключи ада и смерти“ (Апок. I, 18) Воскресшій Христосъ уже предупредилъ его тамъ: Сошедши во адъ во всемъ неописуемомъ великолѣпнн и сіяніи своей божественной славы, Онъ здѣсь „ожившимъ Своимъ Духомъ уже проповѣдывалъ о Своемъ воскресеніи и о спасеніи міра“ находящимся въ (адской) темницѣ духамъ, нѣкогда непокорнымъ ожидавшему ихъ Божию долготерпѣнію, во дни Ноя, во время строенія ковчега, въ которомъ

немногіе, т. е. восемь душъ, спаслись отъ воды (1-е Петр. III, 19—20; V, 6), и увѣровавшихъ въ Него уже вывелъ изъ ада въ вѣчно озаряемаго Его неприступнымъ свѣтомъ небесныя, райскія обители Бога Отца (Дѣян. II, 27).

Посрамленный діаволъ съ злобнымъ скрежетомъ до времени скрылся въ безднахъ ада. Съ нимъ оцѣпенѣли въ ужасѣ и всѣ силы и узники его.

Такъ Солнце правды—Христосъ побѣдилъ злобную силу и власть тьмы—діавола и его сподвижниковъ!

Протоіерей *И. Крыловъ.*

О КНИГАХЪ.

Протоіерей А. А. Дерновъ. *Методика Закона Божія. Чтеніе по Закону Божію объ истинно-христіанскомъ воспитаніи. Въ трехъ частяхъ. Изданіе 3-е. СПБ. 1913. Ц. 3 р. Стр. XVI+661.*

Въ введеніи авторъ говоритъ о печальномъ состояніи современнаго общества и школы, о причинахъ современнаго упадка религіознаго знанія, о результатахъ этого упадка, о призваніи женщины, о началахъ воспитанія, о важности практическихъ занятій по Закону Божію.

Въ 1-й части содержатся записки по методикѣ начальнаго обученія Закону Божію, примѣрныя темы для практическихъ уроковъ по Закону Божію, замѣтки по поводу практическихъ уроковъ, примѣрные уроки и разборъ ихъ. Во 2-й части книги говорится о задачахъ и главнѣйшихъ средствахъ истинно-христіанскаго воспитанія (по свято-отеческому ученію). Третья часть посвящена изложенію задачъ и главнѣйшихъ средствъ истинно-христіанскаго воспитанія. Въ этой же части излагаются мысли свѣтскихъ писателей и мыслителей XIX вѣка о важности и необходимости истинно-христіанскаго воспитанія: К. Д. Ушинскаго, Н. И. Пирогова, Ю. Ф. Самарина, И. С. Аксакова, Н. П. Гилярова-Платонова, Ѳ. М. Достоевскаго, К. Н. Бесгужева и др.

Предъ нами—исторія христіанской педагогики, дидактика и методика Закона Божія для преподавателей въ среднихъ и низшихъ школахъ.

Распространяться о достоинствахъ труда о. прот. Дернова излишне—онъ нашель себѣ уже официальную оцѣнку Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ и Ученаго Комитета Мин. Нар. Пров. (во второмъ изданіи).

Нельзя не упомянуть только о неудачномъ оглавленіи 5-го отдѣла 2-й части: „Какимъ образомъ христіанство приспособлялось къ языческому образованію?“ Подобное же выраженіе встрѣчается и на страницѣ 403-й.

Z.

Прот. П. Н. Лахостскій. *Проповѣдническая хрестоматія. Г. I и II-я. СПБ. 1912 г. Стр. IV+361+III+458+VI. Ц. 3 р.*

На книжный рынокъ все меньше и меньше поступаетъ пособій для проповѣдниковъ Слова Божія; между тѣмъ нужда, въ подобныхъ пособіяхъ, сказывается особенно остро даже у опытныхъ гомилетовъ. Запросы времени требуютъ отклика въ живомъ словѣ пастыря; а пастырь, особенно сельскій, не имѣетъ часто ни навыка, ни матеріаловъ для удовлетворенія насущныхъ нуждъ паствы. Поэтому особенно важнымъ является появленіе въ печати, за сравнительно дешевую цѣну, такихъ проповѣдническихъ энциклопедій, какъ трудъ о. прот. Лахостскаго.

Составитель даетъ образцы проповѣди святоотеческой и новаго времени, показываетъ, какъ раскрывались лучшими гомилетами истины догматическія и нравственныя, какъ истолковывалъ церковное богослуженіе, отвѣчать на запросы современности.

На каждый почти день года, на самые разнообразныя случаи общественной и семейной жизни можно найти матеріалы въ хрестоматіи о. Лахостскаго. Не мало удѣлено вниманія и внѣбогослужебнымъ бесѣдамъ. Подборъ гомилетическихъ образцовъ сдѣланъ такъ удачно, что позволяетъ пользоваться книгой о. Лахостскаго и на школьной скамьѣ и на каѳедрѣ сельскаго или городского проповѣдника.

Z.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Прибытіе патріарха антиохійскаго Григорія IV. Ко дню юбилейныхъ торжествъ въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ въ нашу столицу прибыло Его Блаженство, патріархъ антиохійскій Григорій IV. 19 февраля, по распоряженію Св. Синода, для встрѣчи его блаженства на станцію Лугу командированъ былъ первый викарій с.-петербургской епархіи еп. Никандръ и вице-директоръ канцеляріи оберъ-прокуроръ д. с. с. П. И. Исполатовъ.

Ко времени прихода поѣзда, на платформу собралось взглянуть на патриарха и получить его благословеніе значительное число православнаго населенія города, во главѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ. Когда прибылъ поѣздъ, на колокольныхъ храмовъ раздался звонъ. Въ салонъ-вагонъ патриарха вошелъ преосвящ. Никандръ и П. И. Исполатовъ. Первый привѣтствовалъ Его Блаженство отъ имени митрополита царственнаго града, первенствующаго члена Св. Синода высокопреосвященнаго Владимира, второй—отъ лица оберъ-прокурора Св. Синода. Переводчикъ, архим. Василій, перевелъ привѣтствія и отвѣтныя слова патриарха, выразившаго свою радость по поводу посѣщенія православной Россіи, покровительницы всего православнаго міра. Затѣмъ патриархъ вышелъ на площадку салонъ-вагона и преподавалъ общее благословеніе собравшимся, которые пропѣли „Достойно“ и „Исполла эти деспота“. Ко времени прибытія поѣзда, въ СПб., на варшавскій вокзалъ жел. дор., для встрѣчи его блаженства начали собираться духовные и свѣтскіе представители духовнаго вѣдомства. Здѣсь были высокопреосвященный митрополитъ Владиміръ, при звѣздѣ и лентѣ Александра Невскаго, викарные епископы: Георгій ямбургскій, ректоръ дух. академіи, Веніаминъ, еп. гдовскій, еп. Антонинъ, митрофорные протоіереи, председатели: учебнаго комитета о. Бѣликовъ, училищнаго совѣта о. Соколовъ, совѣта общества религ.-нрав. просвѣщенія о. Орнатскій, общества трезвости о. Миртовъ и нѣкоторые изъ настоятелей соборовъ и церквей столицы. Во главѣ свѣтскихъ представителей центральныхъ учреждений Синода былъ: оберъ-прокуроръ В. К. Саблеръ, товарищъ его П. С. Даманскій, управляющій канцеляріей Св. Синода П. В. Гурьевъ и др. Представительства отъ городского управленія не было. Платформа вокзала была густо заполнена собравшимся народомъ. Когда поѣздъ подходилъ къ станціи, раздался церковный благовѣстъ и затѣмъ звонъ съ колоколенъ ближайшихъ храмовъ и звонъ этотъ сопровождалъ патриарха по всему пути слѣдованія, вплоть до лавры. Когда остановился поѣздъ, въ вагонъ вошли высокопреосв. митрополитъ Владиміръ и оберъ-прокуроръ Св. Синода В. К. Саблеръ. Первосвятитель русской церкви и патриархъ братски облобызались при взаимномъ цѣлованіи другъ у друга руки. При этомъ митрополитъ Владиміръ выразилъ радость всей русской церкви, что Его Блаженство предпринялъ великій подвигъ посѣщенія православной Россіи, дабы раздѣлить ея радость. Принявъ благословеніе, привѣтствовалъ патриарха В. К. Саблеръ, который, спросивъ о томъ, какъ Его Блаженство совершилъ столь продолжительный путь, выразилъ радость о прибытіи желаннаго гостя и выразилъ надеж-

ду, что посѣщеніе Его Блаженствомъ православной Россіи будетъ источникомъ взаимной радости родныхъ церквей и послужитъ къ большому сближенію связанныхъ союзомъ Христовой любви. Его Блаженство чрезъ переводчика сказалъ, что онъ отвѣчаетъ на высказанныя привѣтствія тѣмъ же чувствомъ. По выходѣ изъ вагона, патриархъ преподавалъ общее благословеніе встрѣчавшему его народу. Столичная колонія православныхъ сирійцевъ и грековъ исполнила греческимъ напѣвомъ „Исполла эти, деспота“. Патриархъ молитвенно поднялъ глаза и руки горѣ, вновь благословилъ и прослѣдовалъ чрезъ царскіе покои къ приготовленному для него придворному парадному выѣзду. Впереди патриарха шелъ иподіаконъ со возженою свѣчею, а архидіаконъ предносилъ большой крестъ. Архидіаконъ сѣлъ въ придворную открытую коляску, а патриархъ, поддерживаемый подъ руки товар. оберъ-прокурора П. С. Даманскимъ и С. Г. Рункевичемъ,—въ придворную карету, запряженную четверкою вороныхъ лошадей, которыми управлялъ кучеръ старикъ, съ увѣшанной множествомъ медалей грудью; въ слѣдующія кареты сѣли сопровождающая патриарха свита во главѣ съ митрополитомъ триполійскимъ Александромъ. Когда тронулся патриаршій кортежъ въ Александро-Невскую лавру, съ колоколенъ столичныхъ храмовъ полился „валовой“ звонъ. На улицахъ стоялъ народъ, благоговѣнно обнажая голову; патриархъ благословлялъ. У воротъ Александро-Невской лавры встрѣтила патриарха монашествующая братія съ иконами и хоругвями, имѣя во главѣ архіепископа вольнскаго Антонія, который произнесъ слѣдующую рѣчь: Блаженнѣйшій и святѣйшій патриархъ! Благословенъ день сей, когда російская православная іерархія и паства сподобилась узрѣть своими глазами преемника апостольскаго престола—„великаго града Божія“ Антиохіи и патриарха всего Востока. Болѣе 200 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ церковь наша лишилась своего верховнаго пастыря, и около 250 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ее перестали посѣщать высшіе хранители вселенскаго православія, восточные патриархи. Тогда, во дни нашей святой древности, народъ русскій съ великимъ восторгомъ и умиленіемъ подклонялъ свои главы подъ благословляющую десницу восточныхъ патриарховъ, изъ года въ годъ навѣщавшихъ нашъ сѣверный предѣлъ Христовой Церкви. Съ сугубымъ умиленіемъ и восторгомъзираемъ на тебя мы, сыны печальной современности, и съ сугубою ясностью провидимъ въ тебѣ какъ-бы воплощеніе всей Христовой Церкви, ибо ты возглавляешь собою ея наивысшія вершины. Да! русскіе люди чтутъ въ твоемъ лицѣ высшій церковный авторитетъ съ тѣмъ большимъ духов-

нымъ восхищеніемъ, что престолъ твой чуждъ прежняго богатства и внѣшней славы, но исполненъ иной, нетлѣнной славы—постояннаго исповѣдничества и даже мученичества за нашу божественную вѣру. Таково свойство русскихъ людей, чтобы преклоняться не предъ земнымъ величіемъ, а предъ освященнымъ благодатію и древностію величіемъ духа, и самый іерархическій санъ у насъ почитаютъ не столько въ его соединеніи съ богатствомъ и великолѣпіемъ, сколько въ сочетаніи съ подвигомъ, страданіемъ и униженіемъ. Вотъ почему ничто не препятствуетъ нашимъ восторженнымъ сердцамъ усматривать въ твоёмъ смиренномъ облигѣ отблескъ славы перваго святителя Антиохіи, первоверховнаго апостола Петра и богоноснаго священномученика Игнатія, и учителя вселенной Мелетія и великаго Евстафія, и прочихъ безчисленныхъ избранниковъ Божіихъ, украшавшихъ собою твой престолъ и только по тѣлу принадлежащихъ къ роду человѣческому, а по духу къ святымъ ангеламъ. Глубоко благоговѣтъ русскій народъ предъ всѣмъ этимъ вѣковымъ множествомъ апостольскихъ подвиговъ, совершившихся отъ временъ первыхъ учениковъ Христовыхъ и донынѣ на твоей святительской кафедрѣ и, мысля тебя носителемъ сей церковной славы, сего девятнадцативѣковаго союза земли съ небомъ, Церкви со Христомъ и Его апостолами, возносить благодарныя славословія Господу о томъ, что сподобился узрѣть твой святительскій ликъ и, повергаясь ницъ къ твоимъ достоуважаемымъ стопамъ, привѣтствуетъ земнымъ поклономъ твое всгупленіе въ святую лавру сѣверной столицы“. При послѣднихъ словахъ преосвященный Антоній распростерся ницъ предъ патріархомъ, а затѣмъ, вставъ на ноги, поцѣловалъ его въ руку и въ уста. Рѣчь оратора переводилъ вполголоса стоявшій рядомъ съ патріархомъ настоятель Антиохійскаго подворья въ Москвѣ архим. Антоній. Растроганный и взволнованный высокій гость отвѣчалъ по-арабски словами благодарности и братской любви. При пѣннн тропаря св. Александру-Невскому, патріархъ въ предшествіи крестнаго хода направился въ соборъ лавры. Здѣсь его блаженство облачился въ патріаршую мантию (голубая, шелковая, съ красными разводами) и прошелъ въ алтарь черезъ отверстія царскія врата, приложился къ св. Престолу, и оттуда пошелъ къ ракъ св. бл. кн. Александра Невскаго и поклонился ей. По совершеніи краткаго молебствія, патріархъ сдѣлалъ отпустъ на греческомъ языкѣ, архидіаконъ Авраамій провозгласилъ многолѣтіе. Патріархъ осѣнялъ крестомъ на всѣ три стороны, поднявъ свои большіе и выразительные глаза горѣ. Разоблачившись, его блаженство преподавалъ общее благословеніе народу и прослѣдовалъ въ преднесеніи креста въ покой

владыки-митрополита. Здѣсь собрались всѣ члены и присутствующіе въ Св. Синодѣ архипастыри, а также епископы: Никандръ, Георгій, Веніаминъ и Антонинъ, оберъ-прокуроръ В. К. Саблеръ, П. С. Даманскій, члены вѣдомства: Гурьевъ, Яцкевичъ, Рункевичъ, Скворцовъ. Поданъ былъ чай, во время котораго велась святителями бесѣда съ патріархомъ, чрезъ переводчика, князя Шаховскаго, консула Александрии. Изъ Лавры его блаженство прослѣдовалъ въ оберъ-прокурорскій домъ, гдѣ для него и для свиты отведено помѣщеніе.

Прибытіе въ СПБ. Почаевской иконы Бож. Матери. 18-го февраля изъ Царскаго Села въ столицу прибыла чудотворная икона Почаевской Божіей матери. Съ 7 ч. утра Загородный проспектъ и Звенигородская улица уже были полны народомъ, пожелавшимъ встрѣтить святыню. Поѣздъ, въ которомъ слѣдовала икона, пришелъ въ началѣ девятаго часа. Два архимандрита, идущіе съ иконой изъ Почаевской лавры, вынесли ее на рукахъ изъ вагона. Въ павильонѣ для встрѣчи святыни собрались высокопреосвященнѣйшій митрополитъ спб. Владиміръ, высокопреосвященный Антоній, архіепископъ волынской, Августѣйшій главнокомандующій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа Великій Князь Николай Николаевичъ съ Августѣйшей супругой Великой Княгиней Анастасіей Николаевной, княжною Еленой Георгіевной Романовской, герцогиней Лейхтенбергской, кн. Сергѣемъ Георгіевичемъ Романовскимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ. По прибытіи иконы, митрополитъ Владиміръ и высокопреосвященный Антоній первыми приложились къ чудотворной иконѣ, а за ними къ ней прикладывались всѣ собравшіяся въ павильонѣ Высокія Особы, высокопоставленныя и начальствующія лица. Лишь только на улицѣ показались фонарь, святые кресты и хоругви, какъ войска взяли „на караулъ“. Музыка играла: „Коль славенъ нашъ Господь“. Многіе стояли на колѣняхъ. По пути слѣдованія иконы были шалерами разставлены войска сиб. гарнизона, по одной ротѣ отъ каждой части. Парадомъ командовалъ главнокомандующій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ. Все время слѣдованія духовной процессіи въ церквахъ и соборахъ производился торжественный перезвонъ. При пѣннн канона Богородицѣ икона перенесена была въ Введенскую церковь л.-гв. семеновскаго полка, гдѣ митрополитомъ Владиміромъ, въ сослуженіи архіепископа Антонія и прочаго духовенства, былъ отслуженъ торжественный молебенъ, послѣ котораго икона поставлена была на носилки и съ крестнымъ ходомъ перенесена на Митрофаніевское Синодальное подворье (на углу Звенигородской и Кабинет-

ской улицъ). По внесеніи святой иконы въ церковь подворья началась торжественная литургія, которую совершалъ архіепископъ Антоній.

Церковное празднованіе 300-лѣтія Дома Романовыхъ въ СПБ. Церковное празднованіе 300-лѣтняго юбилея царствованія Дома Романовыхъ въ Петербургѣ, прошедшее съ особой торжественностью, было сосредоточено въ Казанскомъ соборѣ. 21-го февраля къ 10½ час. въ Казанскій соборъ собрались крестные ходы со всѣхъ сторонъ столицы: изъ Александроневской лавры, изъ Петропавловскаго собора—съ чудотворною изъ домика Петра Великаго иконою Спаса Нерукотвореннаго, изъ Синодальнаго подворья на Звенигородской—со святынею Волыни, Почаевской иконою Божіей Матери. Особой красотой и величественностью отличался крестный ходъ изъ Александроневской лавры. За сѣвшимъ серебромъ выноснымъ крестомъ слѣдовало 20 металлическихъ хоругвей, которыя несли хоругвеносцы въ кафтанахъ, полосой двигался братскій хоръ иноковъ, шли священники, несли іеромонахи икону св. Александра Невскаго. Вмѣстѣ съ процессіей шли знамена, стяги и хоругви монархическихъ организацій. Въ 11 час. началась литургія, въ совершеніи которой приняли участіе митрополиты: с.-петербургскій Владиміръ, кievскій Флавіанъ, сербскій Дмитрій, триполійскій Александръ, протопресвитеръ о. Г. И. Шавельскій и другіе. Тысячи свѣчей горѣли предъ иконами Спасителя и Казанской Божіей Матери, у которыхъ молился каждый петербуржець. Въ храмѣ толпилось около 4 тысячъ человекъ: посланники иностранныхъ державъ, чины посольства и миссій, военные агенты, придворные служащіе, члены Гос. Совѣта и Гос. Думы, сенаторы, почетные опекуны, гражданскіе чины, волостные старшины, военныя депутаціи, представители петербургскаго дворянства, представители русскаго и иностраннаго купечества и т. д. Соборъ былъ освѣщенъ, какъ на Пасху и куполъ его утопалъ въ массѣ огней. Въ 12 час. изъ Зимняго Дворца выѣхали въ Казанскій соборъ Царь съ Царицей и Августѣйшими Дѣтьми. По всему пути царскаго выѣзда шпалерами стояли войска столицы и окрестностей. На встрѣчу Государю вышелъ антиохійскій патріархъ Григорій IV-й, въ сопровожденіи митрополитовъ, впереди его несли четырехконечный, древне-византійскаго стиля крестъ. Ихъ Величества, приложившись ко кресту, прошли на правую сторону собора къ солеѣ, высшее же духовенство—патріархъ, митрополиты, архіепископы и епископы, словомъ всѣ архіереи, находящіеся въ Петербургѣ, числомъ до 16, составили одну блистающую золотомъ облаченій и митръ линію поперекъ собора. Другую линію, слѣва отъ архіереевъ, лицомъ къ Царю и Царицѣ, составили архи-

мандриты, митрофорные протоіереи и настоятели соборовъ и церквей столицы. Протодіаконъ громогласно прочелъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ Государь, объемя взоромъ минувшія три столѣтія, отмѣчая на всемъ ихъ протяженіи высокіе подвиги лучшихъ сыновъ Россіи, не щадившихъ для нея ни трудовъ, ни достоянія, ни самой жизни своей, призываетъ всѣхъ вѣрнопоклонныхъ вознести молитвы Всевышнему объ упокоеніи Вѣнценосныхъ предковъ и всѣхъ тѣхъ, кому отечество обязано могуществомъ и величіемъ и объединиться вокругъ престола для новыхъ трудовъ и подвиговъ на славу и благоденствіе Россіи. По окончаніи чтенія манифеста, патріархъ благословилъ молебствіе. По возгласѣ діакона: „Преклоньше колѣна“, Ихъ Величества и всѣ молящіеся опустили на колѣни. Высокопреосвященный Владыка Митрополитъ Владиміръ прочелъ громкимъ голосомъ нарочито къ этому дню великихъ воспоминаній и великаго торжества составленную Святѣйшимъ Синодомъ благодарственную молитву. По окончаніи молебствія Ихъ Величества приложились ко кресту, чудотворнымъ иконамъ и отбыли изъ храма. Тысячныя толпы народа, стоявшія по пути Царскаго проѣзда, радостными криками привѣтствовали Августѣйшую Семью.

СО ДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ officialный: Распоряженія Епархіальнаго Начальства. Отъ совѣта СПБ. Исидоровскаго епархіальнаго женскаго училища. **Отдѣлъ неофициальный.** Закатъ солнца правды—Христа. Прот. Г. Крыловъ.— О книгахъ. З. Епархіальная хроника.

Ред. Прот. П. А. Миртовъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Книжный магазинъ „ВѢРА и ЗНАНІЕ“

СПБ., Невскій пр., 119

высылаетъ по пониженной цѣнѣ: Барсукова, З. Провѣтитель Сибирскихъ странъ Иннокентій 50 к. за 35 к. Бархаговъ, А. свящ. Труды приходскаго священника ц. 80 к. за 56 к.; его-же Христіанское назиданіе—поученія. Ц. 1 р. за 70 к.; его-же. Церковныя бесѣды. Ц. 1—25 к. за 85 к. Золотое слово Св. Іоанна Злат. нынѣшнему вѣку. Ц. 60 к. за 42 к. Ивановъ, Н. Наука и библія. Ц. 1—50 к. за 1 р. Муяки, Е. Въ Іерусалимѣ. Ц. 50 к. за 35 к. Свобода и христіанство. Вопросы религіи. Ц. 1 р. 50 к. за 1 р. Миртовъ, П. прот. Вѣра и жизнь. Ц. 50 за 35 к., а также и др. книги. Полный каталогъ бесплатно приславшимъ на перес. 2-семи коп. марки.